

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЮМОРА

Смех есть выражение удовольствия, испытываемого людьми при реализации их безотчетной и бескорыстной потребности вести себя не так, как они сами считают нужным. Поэтому когда смех подвергается внутреннему запрету, он может стать своей собственной причиной. Эта концепция, как нам кажется, представляет собой синтез почти всех наиболее известных и, на первый взгляд, взаимоисключающих теорий смеха от Жана Поля до Фрейда, от Бергсона до Бахтина и от Спенсера до Эйзенштейна. Несовместима с ней лишь «теория превосходства» Гоббса.

Огромное разнообразие, «протеичность» смехового поведения как одной из разновидностей преднамеренно неправильного поведения (которое мы вслед за Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским будем называть антиповедением)¹ по сравнению с правильным объясняется конечным в принципе числом правил и бесконечным количеством способов их нарушения. Однако едва ли был прав В. Я. Пропп, утверждавший, что поиски единой для всех эпох сущности смеха бесплодны². Это применимо лишь к внешним поводам, которые действительно бесконечно изменчивы, и к целям (хотя спонтанность смеха неизбежно делает любую его прагматику вторичной). Первопричина же, как представляется, была всегда и всюду единой — стремление людей время от времени бескорыстно, а порой и себе во вред поступать вопреки внутренним запретам. Без признания того, что это странное свойство, вероятно, родственное инстинкту свободы, присуще человеку (на что уже указывали, в частности, Эдгар По и Ф. М. Достоевский), понять глубинную суть юмора невозможно.

Бескорыстие, игровая природа смехового поведения отличают его от других видов антиповедения. Так, юродство и сквернословие на Руси имели серьезные — христианские или языческие — мотивы³. Смех же по своей сути несовместим с серьезностью.

Следствие сказанного — внутренняя противоречивость сатиры. В основе сатиры лежит серьезный — моральный — мотив. Человек, пытающийся высмеивать то, что ему кажется злом, ведет себя так, как он считает нужным, и именно поэтому его попытка в конечном итоге обречена на неудачу. Сатира есть «правильное неправильное поведение», т. е. невозможна по определению. Всякий сатирический текст представляет собой соединение несоединимого — чистого (а потому аморального) комизма и несколько не смешной морали. Запоздалое осознание этого порой стоило сатирикам очень дорого (ср. финалы Свифта, Гоголя). Как показал М. М. Бахтин, усиление сатиры — симптом упадка смеховой культуры⁴.

Прекрасную иллюстрацию этому дает современная эпоха. Как карнавал и масленица могли быть лишь созданием глубокого религиозных людей, так и политический юмор советского времени свидетельствовал о том, что система была прочно укоренена в общественном сознании, вызывая если не любовь, то веру в ее неизбежность. И подобно тому, как ослабление веры в Бога вызвало ослабление тяги к кощунству (и соответственно упадок карнавально-масленичного антиповедения), крах тоталитарного строя привел к растворению смеха в «правильной», но скучной риторике. Дело не в снятии внешнего запрета, а в исчезновении внутреннего. Политический юмор, который мы несправедливо называли сатирой, перестал восприниматься как кощунство и впервые превратился в сатиру, следствием чего явился закат этого жанра.

К наиболее глубоким корням юмора до сих пор можно было отнести два явления — мифы о трикстере (первоначально «плохой» ипостаси культурного

героя, дававшие идеальную модель бескорыстного антиповедения, и архаические праздничные обряды, позволявшие членам сообщества время от времени реализовать эту модель и коллективно нарушать социальный порядок грубыми способами. Поскольку истинный мотив всего этого (тяга к нарушению ради нарушения) был бессознательным, коллективное сознание создавало псевдомотивировки: трикстер наделялся прозорливостью, похотливостью и неумелостью, а обряды совершались, потому что «так надо», «так делали предки» и т. д. (возможно, постулируемая этнографами необходимость временами расшатывать социальную структуру ради ее укрепления — еще одна псевдомотивировка). Первичность модели (мифа) по отношению к действию (ритуалу) на каждом синхронном срезе человеческой истории кажется самоочевидной: как сказала бы Барбара Бэбок, инверсия не может не быть символической⁵. Добавим от себя: для человека.

Пройдя огромный исторический путь, антиповедение в своей общественно-санкционированной форме пришло к тому миниатюрному, безопасному и эстетизированному варианту, который именуется юмором (в терминах В. Тернера это путь от лиминальности к лиминоидности)⁶. Праздничный (коллективно-практический) компонент был вытеснен за пределы сферы социально допустимого, усилилась профессионализация юмора, т. е. деление на создателей и потребителей. В итоге в распоряжении законопослушных членов общества осталась лишь модель, реализовать которую оказалось невозможно. В результате произошло обеднение смеховой культуры, которая в сущности требует, чтобы все вместе вели себя неправильно, были активными соучастниками в нарушениях норм религии, этики, этикета, логики, эстетики или здравого смысла (как уже говорилось, «теория превосходства» — единственная ошибочная теория юмора). Более серьезно и другое следствие: расцвет немотивированного хулиганства — прямого, хотя и незаконного, наследника древних праздничных обрядов.

В изучении юмора с эволюционных позиций наблюдается застой. Быть может, указанный Дарвиным подход здесь неправомерен? Есть мнение, что юмор — единственная человеческая потребность, не имеющая биологических корней⁷. Одна из целей данной статьи — указать на некоторые факты из области этологии приматов, заставляющие усомниться в этом.

Дарвин, судя по всему, ошибался, считая смех выражением чистой радости⁸. У человекообразных обезьян «протосмех» (так называемое игровое лицо), как теперь считается, представляет собой ритуализованный укус, т. е. акт псевдоагрессии⁹. У детей смех выражает смесь радости, страха, а позже, как и у обезьян, — игровой враждебности¹⁰. Все это заставляет внимательно отнестись к возможности игрового происхождения человеческого смеха вопреки мнению Я. Хейзинги¹¹. Есть основания считать, что серьезность игры и серьезность (порой со зловеще-магическим оттенком) некоторых ритуалов типа «шиворот навыворот» — явления, хотя и очень древние, но все же вторичные¹².

Подростки шимпанзе в неволе иногда хулиганят, толкая взрослых животных, бросая в них те или иные предметы и т. д.¹³ Как полагают, главная цель такого далеко не безопасного раздраживания — исследовательская: псевдоагрессия позволяет узнать, кто есть кто в социальной иерархии. Возможно, однако, это просто реакция на скуку¹⁴. Нам довелось наблюдать, как юные шимпанзе в Колтушском питомнике демонстрировали откровенно раблезианские формы антиповедения: мочились на ученых-исследователей, швыряли в них своими экскрементами и — что поучительнее всего — сопровождали это смехом. Орангутаны в Московском зоопарке плевались в людей и также смеялись при этом. Радость от бескорыстного нарушения запрета в этих случаях несомненна. Обезьяны знали, что их поведение «неправильно», ибо часто за него наказывались. Подобные формы псевдоагрессии можно было бы отнести к категории досимволической инверсии. Но при этом нельзя не заметить их разительного сходства с теми формами человеческого антиповедения, которые играли огромную роль в архаических праздничных обрядах и в выросшей на их основе комической антиэстетике¹⁵.

Наконец, гориллы, способные, как и все человекообразные обезьяны, в ус-

ловиях эксперимента усваивать у людей некоторые знаковые системы и правильно ими пользоваться, могут, кроме того, намеренно отказываться от правильного высказывания в пользу абсурдного. Доказательством того, что нонсенс создавался с чисто юмористической целью, был смех¹⁶.

Приведенные примеры относятся к поведению обезьян в неволе. В природных условиях проявления псевдоагрессии, по-видимому, более редки¹⁷. Если бы в дальнейшем удалось доказать, что содержание приматов в неволе способствует развитию у них антиповедения (по отношению к языковым экспериментам это самоочевидно), то параллель «культура — неволя» заслуживала бы внимания при поисках истоков юмора. Разумеется, чтобы эта аналогия «работала», нужно допустить, что ограничение свободы не носит слишком жесткого (тюремного) характера и соответственно не вызывает чрезмерной угнетенности и осознанного протеста. Скорее, вспоминаются школьные уроки — именно на них у нас возникал непреодолимый и беспричинный смех. Причины или, скорее, мотивировки того, что в принципе могло бы обойтись и без них, появляются и становятся бесконечно разнообразными в процессе развития культуры. Гипертрофия этих мотивировок приводит к идее «объективности комического» — идее странной в такой же степени, в какой странной считать, что дерево держится за счет кроны, а не корней. Пословица о смерти, которая всегда найдет себе причину, в полной мере применима и к смеху (что, конечно, не может служить аргументом ни против медицины, ни против эстетики).

Сознавая опасность таких сопоставлений, мы подчеркиваем, что несколько не пытаемся антропоморфизировать поведение животных, а напротив, хотим привлечь внимание к огромной древности некоторых форм человеческого поведения. Предположим, что удовольствие, вызываемое антиповедением, в значительной мере сходно у всех высших приматов. Кстати, аналогичные формы псевдоагрессии практикуются и низшими узконосыми обезьянами¹⁸. Идея еще дальше, можно вспомнить о странном свойстве некоторых домашних животных порой делать что-нибудь назло любимым хозяевам без всякой выгоды и даже с риском для себя. Есть, наконец, указания на то, что удовольствие от раздраживания других живых существ способны получать не только млекопитающие, но и наиболее «умные» птицы¹⁹.

Однако ныне искать корни смеха за пределами отряда приматов нам кажется излишним. Достаточно предположить, что в антропогенезе к тому моменту, когда речь и культура выработали понятие «нельзя», у ранних гоминид уже имелась унаследованная от предков потребность превращать «нельзя» в «можно». У предлюдей и запреты, и тяга к их нарушению были неосознанными или полусознанными. Речь и культура, обозначившие грань между предлюдьми и собственно людьми, укоренили многие запреты в сознании, превратив их во внутренние. Так возникли религия, мораль, логика, эстетика и прочие системы правил поведения, каждая из которых является одновременно и сводом запретов — иногда эксплицитных (так, восемь из десяти заповедей выражены в форме запретов), иногда подразумеваемых. Запретный плод всегда сладок, поэтому именно системы запретов и стали объектами унаследованной от доречевой и докультурной стадии бессознательной потребности к нарушению ради нарушения — потребности, которая у большинства людей так и осталась в подсознании, но ничуть от этого не ослабла, а напротив, усилилась, превратившись в стремление поступать вопреки должному²⁰. Это подспудное стремление и служит главным двигателем юмора.

На поверхности же сознания оказалась противоположная потребность — поступать в соответствии с должным. Она лежит в основе сатиры, но внутренне противоположна смеху и юмору, которые всегда направлены против «осознанной необходимости», против собственных знаний и убеждений смеющегося. Именно это имел в виду Бахтин, когда называл смех не внешней, а внутренней формой²¹.

Если наша реконструкция верна, то соотношение модели и действия в диалекции было обратным от того, которое имеет место в синхронии. «Вначале было

- ¹¹ *Huishinga J.* Homo ludens. Reinbek, 1962. P. 13—14.
- ¹² *Абрамян Л. А.* Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983. С. 31—32, 38, 187.
- ¹³ *Hebb D. O.* The forms and conditions of chimpanzee anger//Bull. Canad. Psychol. Assoc. 1945. V. 5. P. 32—35; *Waal F. B. M. de, Hoekstra J.* Contexts and predictability of aggression in chimpanzees//Anim. Behav. 1980. V. 28. P. 929—937.
- ¹⁴ *Adang O.* Tensing in young chimpanzees//Behaviour. 1984. V. 88. P. 98—122; *idem.* Exploratory aggression in chimpanzees//Behaviour. 1985. V. 95. P. 138—163.
- ¹⁵ *Бахтин М. М.* Указ. раб. С. 159—160, 190, 363; *Пронн В. Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 122; *Абрамян Л. А.* Указ. раб. С. 47.
- ¹⁶ *Patterson F.* The mind of the gorilla: Conversation and conservation//Primates: The Road to Self-Sustaining Populations. N. Y., 1986. P. 933—947.
- ¹⁷ *Гудолл Дж.* Шимпанзе в природе: Поведение. М., 1992. С. 338.
- ¹⁸ *Rowell T.* A quantitative comparison of the behaviour of a wild and caged baboon group//Anim. Behav. 1967. V. 15. P. 499—509; *Waal F. B. M. de.* The organization of agonistic relations within two captive groups of Java-monkeys (*Macaca fascicularis*)//Zschr. Tierpsychol. 1977. V. 44. P. 225—282.
- ¹⁹ *Крушинский Л. В.* Биологические основы рассудочной деятельности. М., 1977. С. 182.
- ²⁰ Радикальная попытка извлечь эту потребность из подсознания и превратить ее в сознательно применяемую программу лежала в основе модернистского искусства, в значительной своей части имевшего чисто негативную направленность и в этом смысле родственного как юмору, так и немотивированному хулиганству. Но джинн, выпущенный из бутылки, уже не смешон, а страшен. Сводка материалов, относящихся к эстетическому бунту против «осознанной необходимости», приведена в книге: *Камю А.* Бунтующий человек. М., 1990.
- ²¹ *Бахтин М. М.* Указ. раб. С. 104—105.

On the Origins of Humour

The authors view laughter as a form of behaviour secondary with reference to the normative one, thus defining it as «anti-behaviour». The authors conclude that it is the anti-behaviour that has evolved into what is called humour.

Incidents of anti-behaviour among the primates are considered.

A. G. Kozintsev, M. L. Butovskaya

© 1996 г., ЭО, № 1

Я. В. Чеснов

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОИСХОЖДЕНИЮ СМЕХА

В статье А. Г. Козинцева и М. Л. Бутовской смех определяется как вторичная форма поведения к социально нормированному (антиповедение). Этой позиции соответствует и обзор материала: дается как бы история антиповедения, известного, по мнению авторов, обезьянам. Антиповедение эволюционно перерастает в безопасный и эстетизированный юмор. В результате, считают авторы, «возникает новый тип людей — умных, свободных, прекрасно понимающих юмор, но не нуждающихся в нем и потому не смеющихся». Принципиальным для статьи является различие должного и недолжного (антиповедения). Истоки видятся в группах обезьян, которые «демонстрировали откровенно раблезианские формы антиповедения: мочились на ученых-исследователей, швыряли в них своими экскрементами и — что поучительнее всего — сопровождали это смехом».

В нашем распоряжении решительно нет никаких доказательств, что великий гуманист, врач Франсуа Рабле вел себя столь неподобающим образом. Он, правда, кое-что сделал для того, чтобы человечество оценило суть смеха. Но его вклад остался как раз не оцененным упомянутыми авторами. У них вне эволюции юмора